

Данилов Сергей Александрович, Иванов Андрей Валерьевич

РАДИКАЛИЗМ И СЕТЕВОЙ ПОРЯДОК ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ РАКУРС

Статья посвящена анализу трансформации политического порядка сетевого общества, выявляются механизмы функционирования неформальных радикальных сетей. На примере концептов "власть" и "контрвласть", предложенных М. Кастельсом, демонстрируется взаимосвязь коммуникативных и властных отношений. Радикализм как одно из проявлений контрвласти рассматривается с точки зрения власти над включением и исключением, контроля над стандартами и участниками сетевого взаимодействия, "программирования" поведения участников сети в соответствии с определёнными интересами и ценностями.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/8/18.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 8(82) С. 71-73. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

3. **Всеобщая история архитектуры. Архитектура Древнего Рима** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sno.pro1.ru/lib/architectura/index.htm> (дата обращения: 04.06.2017).
4. **Всеобщая история искусств. Т. 1. Искусство древнего мира** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sno.pro1.ru/lib/ha/index.htm> (дата обращения: 04.06.2017).
5. **Гиро П.** Частная и общественная жизнь римлян. СПб.: Алетейя, 1995. 582 с.
6. **Плиний Старший.** Естественное знание. Об искусстве / пер. Г. А. Тароян. М.: Ладомир, 1994. 939 с.
7. **Cole E.** A Concise History of Architectural Styles. L.: A & C Black, 2003. 352 p.

PECULIARITIES OF ARCHITECTURE OF GREEK AND ROMAN THEATERS

Gracheva Aleksandra Dmitrievna

*Saint Petersburg University
sanya.gracheva.89@mail.ru*

In the article principles of construction of Greek and Roman theaters of the age of antiquity are compared. It is concluded that the Roman state borrowed a lot from Greek culture, but due to different mentality and policy of the state, Hellenic ideas were partially redesigned and supplemented by the Romans. The author uses written sources and works of modern specialists to cover the issue and gives examples of arrangement of two Greek and Roman theaters.

Key words and phrases: ancient theater; Greek culture; Theatre of Dionysus Eleuthereus in Athens; Ancient Theatre of Epidaurus; theatre ensemble in Rome; Theatre of Marcellus.

УДК 101.1:316

Философские науки

Статья посвящена анализу трансформации политического порядка сетевого общества, выявляются механизмы функционирования неформальных радикальных сетей. На примере концептов «власть» и «контрвласть», предложенных М. Кастельсом, демонстрируется взаимосвязь коммуникативных и властных отношений. Радикализм как одно из проявлений контрвласти рассматривается с точки зрения власти над включением и исключением, контроля над стандартами и участниками сетевого взаимодействия, «программирования» поведения участников сети в соответствии с определёнными интересами и ценностями.

Ключевые слова и фразы: сетевое общество; теория социальных сетей; социальные медиа; власть; социальный порядок; радикализм.

Данилов Сергей Александрович, к. филос. н.

Иванов Андрей Валерьевич, к. филос. н.

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
danilovsa@info.sgu.ru; ivanowaw@gmail.com*

РАДИКАЛИЗМ И СЕТЕВОЙ ПОРЯДОК ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ РАКУРС

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17-33-0143.
Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 15-33-12009.*

За последнее время значительно возрос объем исследований, в которых проводится разработка проблемы сетевого общества, тенденций «сетевизации», рассмотрение социальных сетей виртуального пространства [6]. Согласно М. Кастельсу, «именно сети образуют новую социальную морфологию наших обществ» [2, с. 494], по-новому организуя пространство и структурируя время. Но также отметим, что сети не заменяют или отменяют понятие «структуры», они трансформируют её понимание в контексте новых конфигураций социального порядка современности. Обозначая мегатренды современного общества, Д. Нейсбит утверждает, что мы вправе говорить об отходе от «иерархий, которые отличали в индустриальную эру, эру централизации. На месте иерархий возникают организации, построенные по сетевым моделям <...> Сети перестраивают структуры власти и коммуникационных потоков <...>, заменяют вертикаль горизонталями» [5, с. 354].

Что такое сеть? Это «совокупность объектов, связанных друг с другом многонаправленными линейными (матричными) зависимостями» [4, с. 56]. В условиях сети все связано со всем, а динамика сетевой структуры характеризуется включением новых узлов, и это расширение может быть безграничным. Полиморфизм сетевого порядка, доминирование узлов провоцирует девальвацию традиционно понимаемого «центра», где центр – это главное средоточие власти. В условиях сетевого общества подобием центра является «узел», но с трансформированной относительно прежних форм политической функцией. Такая новая фрагментация реальности позволяет выделить фрагмент «сети» в качестве самостоятельного локального пространства. «Сети могут существовать автономно <...> в известной мере и в известных пределах сеть самодостаточна» [3, с. 71].

Действительно, произвольно выделив такой сегмент с его узлами, петлями, можно говорить, во-первых, о локализации процессов, их автономном протекании в рамках сетевой структуры, и, во-вторых, о всеобщей связи данного локального фрагмента и его элементов с другими точками и кластерами сети. Выпавший кластер сети может быстро регенерироваться сетью, способной мобильно восстановить утраченный фрагмент. Таким образом, риски хаотизации новой сетевой реальности минимизированы способностью сетей к репродукции. «Разрывы» в сети способны к более мобильной регенерации, чем демонтированная «вертикаль» в структурах прежних обществ. Иерархии и центры игнорируются сообществами, возникающими как результат возможности всех быть связанными со всеми. Меняется и механика управления, локус власти из девальвированного «центра» переходит к локальным сетевым сообществам, приватизирующим функции коммуникации, распределения. Согласно Даттону, в современном обществе именно интернет-пользователи как воплощение «пятой власти» (“fifth estate”) становятся альтернативными источниками власти, а сетевые институты – площадками, дающими возможность организовывать коллективные акции и мобилизовать сетевые ресурсы для реализации различных целей [Цит. по: 10, р. 3].

В своих последних публикациях М. Кастельс уточняет и развивает свою концепцию порядка в информационно-сетевом обществе. Власть в современном обществе не локализована в одной конкретной социальной сфере или институте, но распределена по всему пространству человеческого действия вокруг сетей «массовой самокоммуникации», предоставляя пользователям возможность оспаривать влияние традиционных институтов. В рамках своего теоретического анализа сетевого общества Кастельс чётко различает четыре основные формы власти: *сетевая власть (networking power)*; *власть сети (network power)*; *власть в сети (networked power)*; *сетесозидающая власть (network-making power)*.

Сетевая власть – это «власть акторов и организаций, включённых в сети и образующих ядро глобально-го сетевого общества, над людьми, не включёнными в указанные глобальные сети» [8, р. 773]. Эта власть выражается в способности акторов создавать сетевые структуры, в которых аккумулируются ценные ресурсы участвующих в них субъектов. Решающее значение здесь приобретают процедуры поддержания ценности сетевого участия, а также контроль над исключением из сетей.

Власть сети возникает из власти стандартов, регулирующих координацию и взаимодействие в социальных сетях, поскольку именно благодаря им сеть имеет возможность существовать в качестве интерактивно-коммуникативной системы. В этом случае, как пишет Кастельс, «власть осуществляется не посредством исключения из сетей, а через установление правил включения» [Ibidem].

Власть в сети представляет собой результат доминирования сетевых акторов. В ходе этого процесса сети, охватывающие элиты и правительства, владельцев коммуникационных сетей, вступают во взаимодействие друг с другом и пользователями сетей. В результате на основе информационных обменов между сетевыми акторами устанавливается подвижная конфигурация равновесия властных центров, возникают стратегические альянсы центров сетевого влияния.

Сетесозидающая власть предполагает возможность «программировать» специфические сети в соответствии с интересами и ценностями своих «архитекторов», а также осуществлять «переключение» различных сетей, объединять их цели и ресурсы, обеспечивая стратегическое сотрудничество доминирующих в этих сетях акторов. Все эти формы сетевой власти, возникшие в ходе перманентной информационной революции, не только устраняют громоздкие и инерционные механизмы бюрократического управления, коррупции, плутократии и некомпетентности, тормозящие социальный прогресс, но и потенциально несут в себе колоссальные риски. Подлинная проблема состоит в том, что в условиях тотальной сетевой экспансии отношения власти и общества не становятся более открытыми, но сам субъект приобретает характеристики принудительной открытости для информационных интервенций и контроля как на коммуникационном уровне, так и на уровне навязываемых образов мысли и желаний. Становление глобальных сетевых медиа приводит к тому, что каждый пользователь сталкивается сразу с несколькими системами цензуры и манипуляции сознания – взаимноисключающими, непрозрачными, частными или государственными, но применяемыми одновременно через разные механизмы социального контроля.

Обозначенные выше позиции открывают новые возможности в исследовании сетевой природы и функций современного радикализма, который, следуя Кастельсу, можно рассматривать как проявление контрвласти в сетевом пространстве [9, р. 238]. Так же, как и любое проявление власти, радикализм представляет собой борьбу за изменение программ различных сетей, их трансформацию в интересах оппозиционных сил и замену исходных «переключений» на альтернативные варианты, подкрепляя свои действия символическим конструированием новых ценностей и стандартов. Радикальные тенденции возникают и взаимодействуют в условиях символической борьбы за основополагающие стандарты и правила распространения информации, дискредитирующие авторов одних сообщений и легитимирующие статус авторов других. В этом отношении современный радикализм воспроизводит логику и сценарии сетевой власти в следующих измерениях.

Мобильность. Сетевая структура позволяет мобильно распространяться информации, реализовывать коммуникативные стратегии. В условиях, когда коммуникативное производит социальное, поступающая команда посредством сетевого мессенджера мгновенно превращается в действие. Как отмечает О. Н. Яницкий, характеризуя террористическую атаку, «массовый террор – это война “здесь и сейчас”» [7, с. 31]. Ситуации, стихийно складывающиеся в формате сетесферы, приводят к формированию ситуационных центров исходя из внешних условий, факторов.

Демократичность. Позиция, провозглашённая немецким исследователем У. Беком о том, что «смог демократичен», можно преобразовать так: «сеть демократична». Сетевой формат, как отмечалось, позволяет всем быть связанными со всеми. Информационное сообщение может быть отправлено всем представителям сети, а ролики о терактах набирают через открытые просмотры аудиторию, равную мировым блокбастерам. Через сетевую виртуальность происходит рекрутирование новых членов в радикальные организации.

Анонимность. Сеть инициирует анонимность, несмотря на предельную открытость формата «все со всеми». Анонимность позволяет наиболее полному раскрытию способностей в формировании виртуального профиля, стратегий общения. Сниженный порог ответственности в виртуальных сетях позволяет тотальному распространению деструктивного потенциала как отдельных личностей, так и организаций.

Индивидуальность. Сеть амбивалентна. С одной стороны, проявляются процессы интеграции, синхронизации. В то же время сетевая структура предполагает центрирование вокруг определённой единицы – будь пользователь социальной сети или корпорация. Создаваемая среда общения «один на один» формирует риски снижения контроля этого процесса, со стороны, прежде всего, семьи и другого ближнего круга. Эти и другие явления можно описать в контексте провозглашённого М. Кастельсом « сетевого индивидуализма как <...> новой модели социальности» [1, с. 155].

Таким образом, учёт сетевой природы социальных взаимодействий является принципиальным для понимания логики функционирования власти и властных отношений в информационно-коммуникационном социуме. Сети, являющиеся комплексными структурами «самокоммуникации», развивающиеся в новой технологической среде, оказались и наиболее эффективными благодаря их мобильности, масштабируемости и организационной гибкости. Власть представляет собой наиболее фундаментальный процесс, область проявления которого изменилась в двух направлениях: она преимущественно конструируется вокруг мест соединения между глобальным и локальным и организуется преимущественно вокруг сетей, а не традиционных институтов и социально-политических общностей. Взаимодействие традиционной власти и радикализма в сетевом пространстве должно рассматриваться, с одной стороны, как процессы, могущие усиливать существующее доминирование или захватывать и удерживать доминирующие структурные позиции; с другой стороны, как существующие наряду с этими уравнивающие процессы, противодействующие установленному доминированию. Теоретически оба процесса в конечном счёте изменяют структуры власти в ходе их взаимодействия. Они различны, но действуют, тем не менее, по одной и той же самой логике.

Список источников

1. **Кастельс М.** Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитоновой. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 380 с.
2. **Кастельс М.** Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 494-505.
3. **Луков В. А.** Тезаурусы и сетевое общество // Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2008. № 1. С. 69-72.
4. **Назарчук А. В.** Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 56-66.
5. **Нейсбит Д.** Мегатренды. М.: АСТ, 2003. 380 с.
6. **Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества:** сб. науч. тр. / РАН; ИНИОН; Центр социал. науч.-информ. исслед.; отв. ред. Л. Н. Верченков, Д. В. Ефременко, В. И. Тищенко. М., 2013. 360 с.
7. **Яницкий О. Н.** Идеология и сеть // Власть. 2016. № 1. С. 30-36.
8. **Castells M.** A Network Theory of Power // International Journal of Communication. 2011. Vol. 5. P. 773-787.
9. **Castells M.** Communication, Power and Counter-power in the Network Society // International Journal of Communication. 2007. Vol. 1. P. 238-266.
10. **Machleder J., Asmolov G.** Social Change and the Russian Network Society: Redefining Development Priorities in New Information Environments [Электронный ресурс] // Internews: Local Voices. Global Change. 2011. August. URL: http://www.internews.org/sites/default/files/resources/Internews_Research_RussiaNetworkSociety1.pdf (дата обращения: 23.12.2016).

RADICALISM AND NETWORK ORDER OF THE SOCIETY: SOCIAL-PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE

Danilov Sergei Aleksandrovich, Ph. D. in Philosophy
Ivanov Andrei Valer'evich, Ph. D. in Philosophy
Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky
danilovsa@info.sgu.ru; ivanowaw@gmail.com

The article is devoted to the analysis of transformation of the political order of the network society and to identification of the mechanisms of informal radical networks functioning. By the example of the concepts “power” and “counter-power” suggested by M. Castells, interconnection between communicative and power relations is shown. Radicalism as one of manifestations of counter-power is considered from the point of view of power over inclusion and exclusion, control over standards and participants in network interaction, “programming” the behaviour of the network participants in accordance with certain interests and values.

Key words and phrases: network society; social network theory; social media; power; social order; radicalism.